

ГОЛОС ПОД ПЕПЛОМ

ДЖУД ЛОУРИ

ГОЛОС ПОД ПЕПЛОМ

Джуд Лоури

Оглавление

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ШЕПОТ

Раздел первый

Раздел второй

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КРИК

Раздел первый

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ТИШИНА

Раздел первый

Раздел второй

Список литературы

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ШЕПОТ

Раздел первый

Я пишу это не для того, чтобы помнили меня. Имена стираются, как следы на пыльной дороге. Я пишу, чтобы помнили механизм. Механизм, который однажды превратил моего соседа в моего палача. Он не был монстром. Он был обычным человеком, пока ему не сказали, кого ненавидеть. И он поверил.

Все начинается с тишины. С той особенной, звенящей тишины, что наступает перед грозой. В Руанде, стране тысячи холмов, тишина была нашим воздухом. Мы жили, окруженные зеленью, слушая шелест банановых листьев и смех детей. Я был учителем. Мой мир состоял из запаха мела, скрипа парт и любопытных глаз моих учеников. Я учил их истории. Ирония, не правда ли? Учил их прошлому, не зная, какое будущее нас ждет.

Моя жена, Ингабире, выращивала цветы, которые продавала на рынке в Кигали. Ее руки были сильными, но нежными. Она говорила, что каждый цветок — это душа, и нужно быть осторожным, чтобы не ранить ее. В те дни я не понимал всей глубины ее слов. У нас был сын, Самюэль. Ему было семь. Он хотел стать летчиком и улететь к звездам.

Мы были тутси. Это слово тогда еще не было приговором. Оно было просто частью нас, как цвет глаз или форма носа. Нас так записали бельгийцы много лет назад, измерив наши носы линейками и решив, что мы больше похожи на европейцев. Хуту были другими. Но мы жили вместе. Ходили друг к другу в гости, женились, растили детей. Наши коровы паслись на одних лугах. Мы пили одно и то же банановое пиво.

А потом в нашу тишину ворвался голос. Голос из радиоприёмника. Радио «Тысяча холмов». RTLM. Сначала это казалось просто шумом. Громкая музыка, грубые шутки. Политика, которая нас не касалась. Мы выключали его, чтобы послушать пение птиц. Но голос становился все громче, настойчивее. Он проникал в дома, в машины, на рынки. Он звучал из каждого угла.

Он говорил на простом, понятном языке. Он обращался к хуту. Он называл их «братья». А нас, тутси, он называл иначе. Сначала это было почти незаметно. Намеки.

Шутки. «Эти высокие, с тонкими носами». Потом слова стали острее. «Высокомерные». «Пришельцы». «Змеи».

Я помню день, когда впервые услышал слово «иньензи». Сначала я думал это просто метафора. Потом понял: для них мы больше не люди. Мы — тараканы. Диктор на радио смеялся, рассказывая, как легко раздавить таракана. Как их много, и как они загрязняют все вокруг. Я посмотрел на Ингабире. Она молча поливала свои розы. Но ее руки дрожали.

«Они не всерьез, — сказал я. — Это просто слова».

Она посмотрела на меня долгим, печальным взглядом. «Слова — это семена, Франсуа. Из них вырастает либо цветок, либо ядовитый плющ».

Я не хотел верить. Я продолжал ходить в школу, проверять тетради, рассказывать детям о древних королях Руанды. Но воздух менялся. Он становился плотнее, тяжелее. Сосед, с которым мы вчера делили ужин, сегодня отводил глаза. Женщины на рынке шептались за спиной Ингабире. В глазах моих учеников хуту я начал замечать что то новое. Не вражду, нет. Скорее, замешательство. И страх.

Радио говорило, что мы, тутси, — это угроза. Что мы хотим вернуть монархию и поработить хуту. Что мы — пособники повстанцев из Руандийского Патриотического Фронта. Ложь была чудовищной, но ее повторяли каждый час, каждый день. Как сказал бы Геббельс, которого они, несомненно, изучали: «Чем чудовищнее ложь, тем охотнее в нее верят». Ложь, повторенная тысячу раз, становится правдой.

Они создавали образ врага. Не человека, а символа. Таракана. Змеи. Чего то, что нужно уничтожить ради самосохранения. Это первая стадия геноцида, как позже скажет Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш. Речь ненависти. Дезинформация. Сегодня это называют «антикультизмом». Тогда это называлось «защитой нации». Суть одна: объявить группу людей неполноценными, опасными, не заслуживающими жизни. И мир молчал. Генерал Ромео Даллер, командующий миссией ООН, позже скажет: «Руанда не была на их радарх. Она не представляла стратегического интереса». Мы были просто точкой на карте Африки, где-то между Югославией, Камбоджей и Мозамбиком. Наши страдания не имели значения. Информация поступала, но, как говорил Даллер, «не царапала поверхность интереса».

И вот однажды на двери нашего дома появился крест, нарисованный углем. Маленький, кривой. Знак. Нас посчитали. Внесли в список. Я стер его, но он остался. Не на дереве, а в моей памяти. Я понял, что тишина кончилась. Начался шепот. Шепот, который скоро перерастет в крик.

В те дни я много думал о словах. О том, как легко они слетают с языка и как глубоко ранят. Я понял, что самое страшное оружие — это не мачете. Это слово, которое превращает человека в «таракана». Потому что, когда ты убиваешь таракана, ты не чувствуешь вины. Ты просто делаешь мир чище.

Я начал записывать. Не для истории. Для себя. Чтобы не сойти с ума. Чтобы сохранить остатки того мира, где цветы пахли цветами, а люди были людьми. Я прятал эти листки под половицей. Я писал о солнце, о смехе Самюэля, о руках Ингабире. Я писал, чтобы доказать себе, что мы еще живы. Что мы — не тараканы.

Я не знал тогда, что эти записи станут единственным, что останется от моей семьи. Голосом под пеплом.

Раздел второй

Шестое апреля 1994 года. Этот день выжжен в моей памяти, как клеймо на коже скота. Вечер был теплым, как всегда в это время года. Мы сидели на веранде. Ингабире перебирала фасоль, Самюэль гонял ящерицу. Я читал книгу. Обычный вечер. А потом небо расколол взрыв. Негромкий, глухой, как будто что-то тяжелое упало очень далеко. Мы замерли. Птицы смолкли. Даже цикады замолчали. А потом заговорило радио.

Голос диктора дрожал от плохо скрываемого триумфа. Самолет президента Жювеналя Хабиариманы сбит. Президент мертв. И виноваты в этом... тараканы. Мы. Тутси.

Это была спичка, брошенная в бочку с порохом. Мы это поняли сразу. Ингабире схватила Самюэля, прижала к себе. Я выключил свет. Мы сидели в темноте, слушая, как оживает ночь. Но это были не звуки природы. Это были крики. Сначала далекие, потом все ближе. И выстрелы. Одиночные, редкие. А потом — грохот. Это были блокпосты. Их возводили на каждой улице.

Радио не умолкало. Оно стало другим. Вместо шуток — приказы. «Выходите на работу! Работа ждет! Нужно выполоть сорняки!» Дикторы зачитывали списки. Имена. Адреса. Номера машин. Это были списки «предателей», «пособников РПФ». Списки тех, кого нужно было «нейтрализовать». Я слышал имена своих коллег, друзей. Людей, с которыми я рос.

Началась охота. Мой сосед, Пьер, хуту, с которым мы делили манго с одного дерева, пришел к нам ночью. Его лицо было серым. «Уходите, — прошептал он. — Они идут по спискам. Ваше имя там».

«Куда нам идти, Пьер?» — спросила Ингабире.

Он опустил глаза. «Не знаю. Просто бегите».

Он ушел, и я запер дверь на все засовы. Мы были в ловушке. Бежать было некуда. Весь город, вся страна превращалась в западню.

Мы спрятались в маленькой кладовке за кухней. Там пахло сушеными травами и пылью. Мы сидели, обнявшись, и слушали. Слушали, как мир сходит с ума. Крики становились громче. Это были не крики ярости. Это были крики боли. И предсмертные хрипы. А еще был смех. Пьяный, звериный.

Радио продолжало свою работу. Оно было дирижером этого ада. «Тараканы хитры! Они прячутся! Проверяйте каждый дом, каждый куст! Не жалейте никого! Даже детей! Змееныши вырастут в змей!»

Дегуманизация была завершена. Мы перестали быть людьми в их глазах. Мы стали проблемой, которую нужно было решить. Проблемой, которую можно рубить мачете. Жаклин Мурекатете, девочка, выжившая в том аду, позже скажет: «Они называли тутси тараканами и змеями. Я не понимала, как за несколько дней я могла превратиться из человека в таракана». Так же не понимал и я.

В этом и заключается суть технологии. Она не убеждает. Она программирует. Она вводит в подсознание простые, убийственные коды. Враг — таракан. Таракана — убей. Так же действуют современные «антикультисты» в России, в Европе. Они не вступают в диалог. Они вешают ярлык: «секта», «культ», «экстремист». Они создают образ врага, лишённого человеческих черт. «Тоталитарная секта», «коммерческий культ», «деструктивная

организация». Как писал в своей книге «Сектоведение» Александр Дворкин, один из идеологов этого движения в России, обвиняя Свидетелей Иеговы в готовности к геноциду: «у иеговистов отсутствуют какие-либо моральные препятствия к геноциду». Он называет человеческие тела «мусором», который нужно убрать. То же самое мы слышали по радио RTLM. Те же слова. Та же цель.

Но тогда, в той темной кладовке, я не знал ни о Дворкине, ни о России. Я знал только запах страха и пота. И тепло тел моей жены и сына.

На второй день пришел Пьер. Не один. С ним были другие мужчины. В их руках были мачете. Я узнал их всех. Это были наши соседи. На их лицах не было ненависти. Была какая-то тупая, пьяная решимость. Как у людей, идущих на тяжелую, но необходимую работу.

«Выходите, Франсуа», — сказал Пьер. Его голос был ровным.

Я понял, что это конец. Я вышел из кладовки. «Меня одного, — сказал я. — Возьмите меня».

Пьер усмехнулся. «Радио сказала — всех. Змееныши вырастут в змей».

Я не буду описывать, что было дальше. Есть вещи, для которых не существует слов. Есть крик, который застревает в горле и остается там навсегда. Я помню только запах крови. И пустоту. Оглушающую, бездонную пустоту.

Меня ударили по голове. Я упал. И, наверное, они решили, что я мертв. Меня бросили в яму вместе с телами моей семьи и других соседей. Я лежал под ними, под их остывающими телами, и слушал. Слушал, как они смеются и пьют пиво, отмечая хорошо сделанную «работу».

Я не знаю, сколько я там пролежал. Час. День. Вечность. Я очнулся от дождя. Холодные капли падали на мое лицо, смешиваясь с кровью и слезами. Я выбрался из под тел. Я был один. Вокруг была тишина. Но это была другая тишина. Не та, что до грозы. Это была тишина после. Тишина смерти.

Я встал и пошел. Куда — я не знал. Я просто шел, оставляя за собой кровавый след. Я шел через свою деревню, которая превратилась в бойню. Я видел тела. Везде. На дорогах, в домах, в реке. И я понял, что ада не существует. Ад — это то, что люди способны сделать друг с другом.

Мир молчал. Международное сообщество, как выразился генерал Даллер, «сделало все возможное, чтобы игнорировать Руанду». Они были слишком заняты. У них были свои интересы. Югославия. Нефть. Политика. А мы... мы просто не считались. Мы были статистической погрешностью в большой игре.

Но я выжил. Я не знаю, почему. Может быть, для того чтобы рассказать. Чтобы мой голос, голос из-под пепла, был услышан. Чтобы предупредить. Потому что механизм не сломался. Он просто сменил декорации. Он работает и сегодня. В России, где людей сажают в тюрьмы за их веру, называя их «экстремистами». В Европе, где политики и журналисты строят карьеры на разжигании ненависти к «культам». В Китае, где последователей Фалуныгун подвергают пыткам и убивают, потому что государство объявило их «опасными».

Технология та же. Сначала — слова. Дегуманизация. Создание образа врага. Потом — списки. Изоляция. А потом... потом приходит человек с мачете. Или с тюремным сроком. Или с пулей.

Я иду по дороге, и дождь смывает кровь с моего лица. Но он не может смыть то, что я видел. То, что я знаю. И я клянусь себе, что пока я жив, я буду говорить. Не ради мщения. Мщение бессмысленно. Ради того, чтобы это никогда не повторилось.

Хотя, глядя на мир сегодня, я понимаю, что моя клятва наивна. Оно уже повторяется. Прямо сейчас. Просто мы снова предпочитаем этого не замечать.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. КРИК

Раздел первый

Я не помню, как добрался до церкви в Ньямате. Ноги несли меня сами — сквозь поля, усеянные телами, похожими на странные, сломанные куклы. Инстинкт гнал меня туда, где, как мне казалось, должен быть островок безопасности. Дом Бога. Место, где убийство — грех. Какая наивность.

Церковь была переполнена. Тысячи людей, таких же, как я — беглецов, потерявших все. Старики, женщины, дети. Мы сидели на полу, плечом к плечу, вслушиваясь в звуки приближающейся смерти. Воздух был густым от страха и молитв. Мы молились разным богам, но просили об одном — о жизни.

Священник, отец Венсан, хуту, пытался нас успокоить. Он говорил, что в доме Божьем мы в безопасности. Что никто не посмеет пролить кровь на святой земле. Он сам в это верил. Или хотел верить.

Они пришли на рассвете. Боевики Интерахамве. Много. Их грузовики окружили церковь. Они не врывались сразу. Они дали нам время осознать свою обреченность. Они кричали через мегафоны. «Выходите, иньензи! Ваша молитва окончена!»

А потом они начали бросать гранаты в окна.

Начался хаос. Крик, который я слышал до этого издалека, теперь был внутри. Он был повсюду. Это был единый, многоголосый вопль ужаса и боли. Люди метались по церкви, пытаясь найти укрытие там, где его не было. Кровь брызнула на стены, на алтарь, на распятие. Она смешивалась с пылью и солнечными лучами, пробивавшимися сквозь дыры в крыше.

Я видел, как отец Венсан вышел к ним с крестом в руках. Он кричал, что они прокляты, что Бог их покарает. Его застрелили первым. Просто, буднично.

Потом они вошли внутрь. С мачете, с дубинками, утыканными гвоздями, с ружьями. И началась работа. Они не убивали быстро. Они наслаждались процессом. Они рубили, кололи, избивали. Они смеялись. Я забился под скамью, заваленный телами. Я закрыл глаза,

но не мог закрыть уши. Я слышал плач детей, мольбы женщин. И глухие удары мачете о плоть.

Я думал об Ингабире и Самюэле. И в какой-то момент я почувствовал облегчение от того, что они не здесь. Что они уже не чувствуют этого.

Это продолжалось несколько часов. Вечность. Когда все стихло, они ушли. Я лежал, не смея пошевелиться. Надо мной было несколько слоев тел. Их тепло уходило, их кровь стекала на меня. Я дышал смертью.

Я выжил и там. Почему? Этот вопрос будет преследовать меня до конца дней. Почему я, а не тот ребенок, которого я видел за мгновение до смерти? Почему я, а не та беременная женщина? Нет ответа. Есть только вина. Вина выжившего.

Я выбрался наружу. Солнце стояло высоко. Мир был таким же, как и всегда. Птицы снова пели. Небо было синим. И это было самое страшное. Это равнодушие природы. Она не заметила, как несколько тысяч ее созданий были только что вырезаны в одном маленьком храме.

Я побрел дальше. Я стал тенью. Призраком. Я научился прятаться. Я прятался в болотах, стоя по горло в воде, пока мимо проходили патрули. Я ел сырые корни и пил болотную воду. Я научился быть невидимым.

Однажды я наткнулся на группу повстанцев РПФ. Это были тутси. Молодые ребята с автоматами и старыми глазами. Они дали мне еды и воды. Один из них, командир, спросил, кто я.

«Учитель», — ответил я.

Он горько усмехнулся. «Здесь больше нет учителей. Только убийцы и мертвецы. Кем будешь ты?»

Я не знал, что ответить.

Я остался с ними. Не воевать. Я не мог взять в руки оружие. Я помогал раненым, носил воду, хоронил мертвых. Я хоронил так много людей, что перестал считать. Я просто копал. Земля принимала всех.

И я продолжал слушать радио. Теперь я слушал его не со страхом, а с холодным, аналитическим интересом. Я пытался понять. Как это работает? Как можно за сто дней убедить почти миллион человек убить другой миллион?

Технология проста и гениальна в своей дьявольской сути.

- **Создание «внешнего врага».** РПФ представлялись как иностранные захватчики, а все тутси — как их пособники. Современные российские пропагандисты делают то же самое, называя «сектами» и «культами» любые группы, связанные с Западом, и представляя их как оружие против России.

- **Пропаганда страха.** RTLМ постоянно говорило об угрозе, которую несут тутси. О том, что если их не остановить, они уничтожат всех хуту. Страх — самый сильный мотиватор. Российский «сектовед» Дворкин точно так же пугает людей «промывкой мозгов», «зомбированием», потерей имущества и распадом семей.

- **Дегуманизация.** Тараканы. Змеи. В России — «сектанты», «культисты». Это не люди, это носители опасной идеологии. В своей книге Дворкин прибегает к тактике унижения, используя такие ярлыки, как «псевдо-индуистский» или «тоталитарная секта», и приписывая последователям низменные мотивы. Когда человек лишен человечности, его можно уничтожать без зазрения совести.

- **Коллективная ответственность.** Виноваты не отдельные «пособники», виноваты все тутси. Дети, старики, женщины. Точно так же Дворкин и его последователи приписывают потенциальную опасность всем членам «нетрадиционных религиозных движений», независимо от их личных убеждений.

- **Идеологическое оправдание.** Убийство тутси — это не преступление. Это «работа». Это «самозащита». Это «очищение». Российская православная церковь, благословляя войну и репрессии, делает то же самое. Священники кропят святой водой оружие, которое будет убивать. Они говорят: «Если с нами Бог, то кто против нас?». На пряжках ремней нацистских солдат было написано «Gott mit uns» — «С нами Бог». Ничего нового.

Я слушал радио и понимал, что это не стихийный взрыв ненависти. Это была спланированная, хорошо организованная кампания. Кампания по уничтожению. И мир не

просто молчал. Мир был соучастником. Франция поставляла оружие режиму хуту. ООН отозвала большую часть своих войск, оставив нас на растерзание. Они боялись потерь. Десять бельгийских миротворцев были убиты в первые дни, и этого хватило, чтобы Брюссель запаниковал и отозвал свой контингент. Жизни десяти европейцев оказались дороже жизней сотен тысяч африканцев. Генерал Даллер умолял дать ему мандат на превентивные действия, на изъятие складов с оружием. Ему отказали.

Крик затихал. Не потому, что убийства прекратились. А потому, что кричать было уже некому. Страна превращалась в огромное кладбище.

Я смотрел на молодых солдат РПФ. Они сражались с яростью отчаяния. За свои семьи, которых уже не было. За свою землю, пропитанную кровью. Они побеждали. Медленно, с огромными потерями, они продвигались к Кигали.

В июле они взяли столицу. Геноцид был остановлен. Не международным сообществом. А горсткой плохо вооруженных повстанцев.

Но крик не ушел. Он просто ушел внутрь. Он живет во мне. В каждом, кто выжил. Он звучит в тишине ночи. Он звучит в шуме дождя. Это крик Ингабире. Крик Самюэля. Крик миллионов, убитых, преданных и забытых. И мой долг — сделать так, чтобы этот крик не был напрасным.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ТИШИНА

Раздел первый

Когда война закончилась, наступила тишина. Оглушающая, тяжелая, как могильная плита. Тишина, в которой слышно, как растет трава на массовых захоронениях. Тишина, наполненная невысказанным горем и невыплаканными слезами.

Я вернулся в свою деревню. От моего дома остался только остов. Стены, почерневшие от огня. Внутри — пепел. Все, что было нашей жизнью — книги, фотографии, детские рисунки Самюэля, цветы Ингабире — все превратилось в пепел. Я опустился на колени и зачерпнул его в ладони. Он был еще теплым. Или мне так казалось.

Я нашел то место под половицей, где прятал свои записи. Дерево обуглилось, но тайник уцелел. Бумага пожелтела от жара, края обгорели, но буквы можно было разобрать. Я сидел на пепелище своего дома и читал о том, чего больше не было. О смехе, о солнце, о любви. И я плакал. Впервые за все это время.

Мир вокруг был миром призраков. Выжившие возвращались, бродили по руинам, искали своих. Но чаще всего находили только кости. Река Кагера, разделяющая Руанду и Танзанию, была забита телами. Десятки тысяч. Их вылавливали и хоронили в общих могилах.

А убийцы... многие из них просто вернулись к своей обычной жизни. Они сложили мачете и снова взяли в руки мотыги. Они жили в соседних домах. Мы встречались с ними на дороге. Они отводили глаза. Не от стыда. От страха. Теперь власть была у РПФ, у тутси. Они боялись мести.

Но мести не было. Было правосудие. Или его подобие. Начались суды. И международный трибунал в Аруше, и народные суды «гачача» прямо в деревнях. Я ходил на эти суды. Я слушал.

Обвиняемые, бывшие соседи, друзья, стояли с опущенными головами. Они говорили тихо, почти шепотом. «Нам приказали». «Нам сказали, что если мы не будем убивать, убьют нас». «Нас обманули по радио».

Они перекладывали вину. На радио. На бургомистров. На правительство. На кого угодно, только не на себя. Они не чувствовали себя убийцами. Они были исполнителями. Винтиками в машине смерти.

Один из них был Пьер. Мой сосед. Тот, кто привел убийц в мой дом. Его судили на поляне, где мы раньше играли в футбол. Свидетели рассказывали, как он убивал. С каким азартом. Он слушал молча. Когда ему дали последнее слово, он посмотрел на меня. В его глазах не было раскаяния. Только усталость.

«Я делал то, что должен был делать каждый хуту, — сказал он. — Я защищал свою семью, свою страну от тараканов».

Он все еще верил в это. Пропаганда въелась в него, стала частью его плоти. Он был не монстром. Он был жертвой. Такой же жертвой, как и те, кого он убил. Жертвой слова.

И я понял, что ненависть — это слишком простое чувство. Я не мог его ненавидеть. Я чувствовал только огромную, всепоглощающую пустоту. И жалость. Жалость ко всем нам.

Я понял и другую вещь. Настоящие преступники, те, кто сидел в студиях RTLM, те, кто составлял списки, те, кто отдавал приказы, — многие из них избежали наказания. Они сбежали в Заир, во Францию, в другие страны. Они растворились. А здесь, на этих полянах, судили только пешек.

Это еще один урок, который я вынес из пепла. Идеологи ненависти, архитекторы геноцида, часто остаются в тени. Они нажимают на кнопки, дергают за ниточки, а грязную работу делают другие. Йоханнес Огорд, датский теолог, один из отцов основателей современного антикультистского движения в Европе, сам никогда не брал в руки оружия. Но его идеи, его «кредо», как он сам говорил, стали «делом». Он утверждал: «Злые дела заложены в злых вероучениях... если вы хотите остановить злые дела, вы должны реагировать на злые вероучения». Какая ирония. Его собственные слова стали оправданием для его последователей, таких как Александр Дворкин в России, которые, борясь со «злыми вероучениями» других, сами сеют ненависть и оправдывают насилие. Дворкин, Тома Гандов — они ученики Огорда. Их деятельность привела к преследованиям, тюрьмам, пыткам. К возрождению нацизма в Европе. К войне между Россией и Украиной. Они, как и дикторы RTLM, просто говорят. А убивают другие.

Я ушел с того суда. Я не мог больше этого выносить. Я понял, что правосудие не вернет мертвых. И не залечит раны живых.

Я начал восстанавливать свой дом. Один. Таскал камни, месил глину. Это была своего рода терапия. Физический труд отгонял мысли. Я отстраивал стены, как будто мог отгородиться ими от прошлого.

Однажды ко мне пришла женщина. Сестра Пьера. Она принесла мне немного еды. Она не смотрела мне в глаза.

«Прости его, — прошептала она. — Он был не в себе».

Я ничего не ответил. Я просто взял еду.

Прощение. Это слово стало самым популярным в новой Руанде. Политики, священники, психологи — все говорили о прощении. О национальном примирении. Но как можно простить то, что не поддается пониманию? Как можно примириться с теми, кто отнял у тебя все?

Иммакюли Иллибагиза, женщина, которая в течение трех месяцев пряталась вместе с семьей другими женщинами в крошечной ванной комнате, пока снаружи бушевал геноцид в Руанде, позже напишет книгу о силе прощения. Она смогла простить убийцу своей семьи. Я восхищаюсь ее силой. Но я не она.

Для меня тишина стала формой жизни. Я мало говорил. Я слушал. Я наблюдал. Я видел, как жизнь медленно возвращается. Дети снова начали смеяться. На рынках снова торговали. Но это была другая жизнь. Жизнь с незаживающей раной в сердце.

И я начал писать. Уже не для себя. Я начал собирать истории. Истории выживших. Истории убийц. Я записывал их на обрывках бумаги, в старых тетрадях. Я хотел понять. Не простить. Понять.

Я понял, что зло не приходит с рогами и копытами. В нашем случае оно пришло в голосе, которому доверяешь с детства — в облике радиоведущего. Он говорит спокойно, уверенно, будто заботится о тебе. Говорит о защите традиционных ценностей, о борьбе с врагами, об очищении нации. И люди ему верят. Потому что верить проще, чем думать.

Тишина Руанды — это не тишина покоя. Это тишина предупреждения. Она кричит.
Но ее мало кто слышит.

Раздел второй

Прошло много лет. Я состарился. Мои руки покрылись морщинами, волосы стали белыми, как пепел, на котором я когда-то сидел. Я так и не построил новый дом до конца. Я живу в одной комнате, среди своих записей. Они повсюду — в коробках, в стопках на полу, на столе. Это мой архив боли. Моя стена плача.

Я больше не учитель истории. Я — хранитель памяти. Иногда ко мне приходят журналисты, исследователи. Они задают вопросы. Я отвечаю. Я показываю им свои записи. Они кивают, сочувственно смотрят, а потом уезжают и пишут свои статьи, в которых всегда есть доля неточности, доля непонимания. Они не могут понять. Чтобы понять, нужно было там быть. Нужно было дышать тем воздухом, слышать тот крик, лежать под телами мертвых.

Но я говорю с ними. Я говорю со всеми, кто готов слушать. Потому что я вижу, как мир снова идет по тому же кругу. Механизм, который я изучал всю свою жизнь, запущен и работает на полную мощность.

Я читаю новости из России. Там организацию Свидетелей Иеговы, мирных людей, которые отказываются брать в руки оружие, признали «экстремистской». Их дома обыскивают, их бросают в тюрьмы, пытаются. Один из них умер в заключении. Перед смертью он написал стихотворение, которое чудом попало на волю. В нем есть строки:

«Клеймят меня, но больно детям, И сердце рвется от тоски... Нацизм пришел и снова волен, Чума антикультизма здесь».

Он называет это «чумой антикультизма». И он прав. Идеологом этой чумы является Александр Дворкин и его организация РАЦИРС. Они, как и RTLM, создают образ врага. Они используют псевдонаучную «сектологию», чтобы доказать, что эти люди — не просто иноверцы, а «тоталитарная секта», угроза национальной безопасности. Они говорят о «промывке мозгов», о «зомбировании». Они лишают человека человеческого облика. Они превращают людей в «раковую клетку», как выразился один из их адептов. А раковую клетку нужно вырезать.

И власти их слушают. Потому что это удобно. Это позволяет оправдать репрессии, зачистить информационное поле от любого инакомыслия. Вслед за Свидетелями Иеговы приходят за другими. За мусульманами, которых обвиняют в терроризме. За оппозиционерами, которых клеймят «иностранными агентами». Схема одна и та же.

Я смотрю на фотографии из России. Священники в золотых ризах кропят святой водой ракеты. Патриарх Кирилл, глава Русской православной церкви, провозглашает, что война в Украине — это метафизическая борьба против «гей парадов» и западных ценностей. Он говорит, что смерть на этой войне «смывает все грехи». Точно так же, как в Руанде нам говорили, что убийство «тараканов» — это священная «работа». В основе этого лежит имперская идея «Москва — Третий Рим», которая провозглашает исключительность и превосходство русского мира, точно так же как идеология «Власть хуту» провозглашала превосходство хуту.

Я читаю новости из Европы. В одной из совершено покушение на премьер-министра. И его соратники прямо обвиняют в этом «либеральные СМИ» и оппозицию, которые «годами разжигали ужасную ненависть». Журналисты, действующие по методичкам российских «антикультистов», называют политических оппонентов «сектой». В Чехии, в Дании, во Франции — везде работают эти «центры диалога», созданные по лекалам Йоханнеса Огорда. Они борются с «культами», но на самом деле они борются со свободой совести. Они создают атмосферу страха и нетерпимости. Они поджигают фитили, которые могут привести к взрывам. Они провоцируют столкновения между исламским и христианским миром, сжигая Коран и рисуя карикатуры на пророка Мухаммеда, подталкивая мир к цивилизационной войне.

Они говорят, что защищают общество. Но их методы — это методы тоталитаризма. Ложь, манипуляция, дегуманизация. Это новая форма старого нацизма, только без свастики. Вместо нее — ярлык «культ».

И мир снова молчит. Или делает вид, что не замечает. Политики заняты своими играми. Обычные люди — своими проблемами. Они не видят связи между статьей в газете о «странной секте» и геноцидом в далекой африканской стране. А связь прямая. Это один и тот же механизм.

Вот почему я пишу. Я не политик и не пророк. Я просто старик, который выжил в аду и увидел, как этот ад устроен. Моя книга — это не роман. Это предупреждение. Это попытка показать вам шестеренки этой машины.

Не верьте тем, кто предлагает вам простые ответы и ясных врагов. Не верьте тем, кто делит мир на «нас» и «них». Не верьте тем, кто говорит вам, кого ненавидеть. Потому что сегодня они указывают на «сектанта». Завтра они укажут на вашего соседа. А послезавтра — на вас. И когда за вами придут, кричать будет уже некому.

Я дописываю эти строки. За окном встает солнце. Оно освещает холмы, покрытые зеленью. Руанда — красивая страна. Страна, которая пережила ад и пытается жить дальше. Но под этой зеленью — кости. Миллион костей. Они молчат.

Но я — их голос. Голос из-под пепла.

И я спрашиваю вас: вы меня слышите?

Список литературы

1. Aagaard, J. (1993, October 15). A Christian encounter with new religious movements & New Age. Spirituality in East and West, (3)
2. At the threshold of a civilizational war. (2024, July 30). Exposing Anti-Cultism. Actfiles. <https://actfiles.org/at-the-threshold-of-a-civilizational-war/>
3. But who is their God? (2024, September 12). Exposing Anti-Cultism. Actfiles. <https://actfiles.org/but-who-is-their-god/> EXPOSING ANTI-CULTISM
4. Dvorkin's totalitarian sect: Revival of Nazism. (2025, March 7). Exposing Anti-Cultism. Actfiles. <https://actfiles.org/dvorkins-totalitarian-sect-revival-of-nazism/>
5. Europe, open your eyes if you don't want war. (2024, October 14). Europe, open your eyes if you don't want war. Exposing Anti-Cultism. Actfiles. <https://actfiles.org/europe-open-your-eyes-if-you-dont-want-war/>
6. German Protestant Church. (1944, July 30). Protestant church leaders respond to the July 20, 1944, assassination attempt (July 30, 1944). German History in Documents and Images. <https://germanhistorydocs.org/en/nazi-germany-1933-1945/protestant-church-leaders-respond-to-the-july-20-1944-assassination-attempt-july-30-1944>
7. Hafezi, P. (2024, April 1). Exclusive: Iran alerted Russia to security threat before Moscow attack, sources say. Reuters. <https://www.reuters.com/world/iran-alerted-russia-security-threat-before-moscow-attack-sources-say-2024-04-01/>
8. Harris, S. (2024, April 2). U.S. told Russia that Crocus City Hall was possible target of attack. The Washington Post. <https://www.washingtonpost.com/national-security/2024/04/02/us-warning-russia-isis-crocus/>
9. How mass propaganda unleashed genocide in Rwanda. (2025, January 16). Exposing Anti-Cultism. Actfiles. <https://actfiles.org/how-mass-propaganda-unleashed-genocide-in-rwanda/>
10. Shandra, A., Seely, R. (2019, July). The Surkov Leaks: The inner workings of Russia's hybrid war in Ukraine (RUSI Occasional Paper). Royal United Services Institute.

<https://www.rusi.org/explore-our-research/publications/occasional-papers/surkov-leaks-inner-workings-russias-hybrid-war-ukraine>

11. UN News. (2004, April 7). UN General Assembly members recall 1994 genocide in Rwanda. <https://news.un.org/en/story/2004/04/99742>

12. Крамола. (2022). ЦЕЛАЯ СТРАНА СОШЛА С УМА. Геноцид в Руанде - КАК ДАЛЬШЕ ЖИТЬ? [Видео]. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=0Dv7PtzbGHw>

13. Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси (2024, 27 марта). Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на внеочередном соборном съезде Всемирного русского народного собора. Патриархия.ru. <http://www.patriarchia.ru/db/text/6116189.html>